

УДК 159

*Мауро Сербино, Марко Панчи, Алена Карпова***МОЛОДЕЖЬ И НАСИЛИЕ: «УЛИЧНОЕ ИСКУССТВО» КАК МЕТОД РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ**

В последние годы социальные исследования Эквадора уделяют особое внимание изучению проблем молодежных групп, которые постепенно превращаются в сцену экспериментов государственной политики. Несмотря на инкрементацию исследований, молодежь – общее романтическое наименование – остается явлением, не поддающимся деноминации, категоризации и структуризации. Молодежные группировки продолжают характеризоваться как закрытые группы, отвечающие укоренившимся социальным предрассудкам и провоцирующие социальные конфликты. В данной статье представлены результаты качественного исследования, проведенного в Кито, отражающего влияние художественного искусства на сокращение конфликтов в маргинальных молодежных группировках. Используемая методология отвечает модели включенного наблюдения. Проведенное исследование описывает, с точки зрения эмической позиции, значения, которыми молодые люди наделяют среду их обитания, а также опыт социальной реинтеграции. Данный опыт основан на использовании художественных средств как платформы субъективного самоанализа и инструмента предотвращения социальных конфликтов между населением в целом и представителями молодежных группировок. Результаты исследования отмечают положительную роль «уличного искусства» в предотвращении и урегулировании социальных конфликтов благодаря созданию пространств позитивного взаимодействия.

Ключевые слова: Молодежь, художественное искусство, насилие, конфликт, общественное пространство, позитивное взаимодействие.

1. Введение

В последние годы юноши и девушки всё чаще становятся объектом социальных исследований Эквадора. Государственные и негосударственные учреждения идентифицируют молодежное пространство с потенциальной экспериментальной ареной государственной политики и распределением денежных фондов. Несмотря на рост исследований, «молодежь» – обобщенный и романтический термин – продолжает быть «ускользающим» феноменом, не поддающимся точной деноминации или категоризации и отражающим молодежные группы как закрытые, конфликтные пространства, отвечающие общим укоренившимся социальным предрассудкам.

Заметим, что категория «молодежь» может рассматриваться в обобщенном значении только при редукционистской интерпретации данного термина, что подвергает риску ограниченности восприятия определенной части населения. «Молодежь» это реальность, зачастую определяемая теоретической и методологической близорукостью, которая не способна разрушить исторически сложившиеся и устойчивые предубеждения, навязанные определенной группе людей. Предубеждения строились, не считаясь с особенностями субъектов, не столько связанных с дискурсом о «другом», о «различном», о разнообразии, несовместимости и отдаленности поколений, сколько с включением определенных лиц в определенные контексты и взаимосвязи. На данный момент анализ социального молодежного пространства довольно ограничен, не дает полную картины описываемой проблематики, сводится к обобщенным попыткам краткой и поверхностной характеристики молодежной культуры.

Данная статья отражает результаты качественного исследования маргинальных молодежных групп, проведенного в Кито (Эквадор) и отражающего влияние «уличного искусства» на сокращение конфликтов в маргинальных молодежных группировках. Методология исследования отвечает модели включенного наблюдения, описывая, с точки зрения эмической позиции, значения, которыми молодые люди наделяют среду их обитания, а также опыт социальной реинтеграции. Данный опыт основан на использовании художественных средств как платформы субъективного самоанализа и инструмента предотвращения социальных конфликтов между представителями молодежных группировок и населением в целом. Результаты исследования отмечают положительную роль «уличного искусства» в предотвращении и урегулировании социальных конфликтов благодаря созданию пространств позитивного взаимодействия.

2. Понятия молодость, молодежь

Термин *молодость* связан с построением трансцендентного дискурса, с общей категорией. Эта трансцендентность подвержена стереотипизации: *молодость*, в традиционном понимании, характеризуется как нечто потенциальное, а не действительное; как потенциальная энергия, которая может быть ориентирована только в двух направлениях: либо как потенциал риска, насилия, страдания и трансгрессии; либо как потенциал порядка, долженствования и защиты высоких государственных целей.

Такая характеристика потенциальности молодежи превратила ее в цель действий, в пространство, где принимаются, внедряются и осуществляются решения власти, далекие от существующей реальности. Государственные институты, благотворительные фонды, общественные организации, пытались задействовать молодое население в различные проекты, многие из которых отличались своими положительными намерениями, но которые, в свою очередь, не подвергались предварительному обсуждению, что их отдаляло от серьезного, критического анализа реальности. Отдаленность связана с утверждением определенных программ, зачастую необдуманно заимствованных извне. Особенно это касается дискурсов, потребностей, форм действий и анализа того, каким «должно быть» изучаемое население.

Сведение «молодежи» к трансцендентной категории или, в лучшем случае, к разнообразию со специфическими ограничениями (например, в случае стереотипизации рокеров или мелких маргинальных молодежных группировок) обрекло ее, молодежь, на хроническое непонимание. Стоит вспомнить мнение французского социолога *Pierre Bourdieu* [6], который соотносил термин «молодежь» с содержательной частью лингвистического символа, а не с его содержанием, утверждая, что «молодежь» существует только в виде капризной категории.

По этой причине, а также во избежание редуционизма, предлагаем использовать понятие «молодежные группы» вместо обобщающего понятия «молодежь». Здесь необходимо отметить, что общая категория «молодежь» включает как девушек, так и юношей, протагонистов какого-то определенного момента, контекста, группы и отношений, складывающихся в ней, порождающих некие особые, характерные только ей феномены. Переосмысление концептуальной перспективы предполагает не только переосмысление семантической стороны рассматриваемого феномена, но и признание иного методологического подхода, направленного на изучение «молодежных групп». Такое предложение ведет к необходимости эмпирического исследования и анализа среды и условий пребывания молодежи до внедрения, с одной стороны, нового определения, избыточно охватывающего характеристики и потребности девушек и юношей; с другой стороны, еще не опробованных на практике планов и проектов. Следовательно, необходимо *заменить* онтологическую перспективу, основанную на трансцендентности понятия «молодежь» (процесс, который может быть определен как идеологический) иной перспективой, которая бы понимала имманентность «молодости», рассматриваемой в рамках определенного контекста.

Упразднение понятия «молодежь», как трансцендентной категории, заостряет наше внимание на другом важном элементе. Анализ ситуаций, в которых пребывает «молодежь», требует понимания не только роли, которую исполняет определенная группа или сообщество, но и взаимоотношений, формирующихся между молодыми людьми и сообществами. Зачастую связь между молодыми субъектами и социальным пространством выстраивается на основе форм, предлагаемых государственной политикой или государственными проектами, опирающимися на импортированные методологии и цели, аннулирующие национальные социальные контексты и наделяющие самоё «молодежь» полной ответственностью за ее выход из маргинального статуса (ситуации бедности или социальной изоляции), используя метод «самопомощи», реализуемой благодаря экономическому покровительству национальных и интернациональных институтов.

Понимание ситуаций, в которых находится «молодежь», ведет к выбору наиболее оптимальных решений, к поиску наилучших форм восприятия ее существования, а также позволяет выделить одну из наиболее ярких характеристик исследуемой группы населения: наличие перформативного акта, отражающего способность молодых людей менять «маски» и трансформировать свои действия, в зависимости от выполняемой ими роли или особенностей окружающего их пространства, нормативная сторона которого выстраивается под властью взрослого.

Вопреки всеобщему предубеждению, молодые люди не являются свободными субъектами, которые с легкостью могут бросить вызов существующим стандартам или противостоять существующим нормам. Это – романтическое представление, распространённое редуционистской перспекти-

вой изучения молодежи. На самом деле, большинство молодых людей, особенно принадлежащих к средне-низшим слоям населения, беспокоят те же вопросы, что и взрослое население: наличие диплома об образовании, поиск работы, жилье, социально-экономическое благополучие. Это, в свою очередь, подвергает молодежь постоянной «трансформации» собственной идентичности в соответствии с условиями того пространства, в котором ей предстоит интегрироваться, не отвергая предоставляемых возможностей, гарантирующих ее будущее. Таким образом, поиск социального благополучия подвергает искажению идентичность субъектов.

Кроме того, широким слоям молодого населения приходится противостоять маргинальности, лимитирующей возможность избежать социальной исключенности и решения проблем, разделяемых взрослым населением. В Эквадоре многие молодые люди рождаются обреченными на неблагоприятные социально-экономические условия той группы, которой они принадлежат, – условия, которые редко подлежат улучшению. Риск социальной исключенности и опасность трансформации идентичности как ответ на потребность быть принятым в обществе подталкивает молодых людей вступить в определенную молодежную группировку. Принадлежность к ней, нередко маргинальной, дает уверенность в исполняемой социальной роли, во владении идеей, разделяемой группой, но зачастую вступающей в конфликт с той, которой Государство и социальная мораль наделяют понятие «молодежь». Процессы признания индивидуума группой пересекаются с нарастающей стигматизацией и молодежной преступностью, особенно когда члены этих групп – выходцы из неблагополучных социальных слоев.

3. «Уличное искусство» как инструмент разрешения конфликтов

Означает ли это, что в ситуации социальной маргинальности молодежь теряет все возможности самореализации и достижения социального, экономического и личного благополучия? В случае возникновения конфликтов, их предупреждения и разрешения предлагается использовать метод драматизации и практики «уличного искусства», представленного как пространство, противостоящее социальной исключенности и насилию. Такие методы, во всем разнообразии их проявлений, не являются ни единственным инструментом решения конфликтов, ни волшебным способом избавления молодого населения от маргинальности. Успех метода зависит от условий структурного порядка. Метод драматизации, при его использовании как «уличное искусство», акт свободного выражения в условиях маргинальности, не являясь методом *спасения* молодежи, всё же укрепляет возможность самовыражения и восприятия себя как полного члена общества. Упрочение же уверенности, в свою очередь, влияет на (1) повышение мотивации и многосложности самопонимания и самопознания, а также на (2) создание эффективных условий для формирования *другой гражданственности*.

Технологический центр молодежных организаций, располагающийся в районе *Turubamba bajo*, Кито, в рамках проекта *СЕТОJ*, используя метод включенного наблюдения, провел эмпирическое исследование с целью анализа конфликтных взаимодействий маргинальной молодежи с окружающим ее контекстом, а также вовлечения молодежных групп в программы «уличного искусства» и изучения влияния искусства на предупреждение и разрешение конфликтов. На протяжении пяти лет велась непрерывная работа с многочисленными членами группировки *Nación Latin Kings (Латинский Король)*. Обучение критическому анализу, самокритике (методом внедрения практик «уличного искусства»: визуально-экспрессивное выражение, граффити, видео- и фотосъемка), позволило решить проблемы закомплексованности учащихся, упрочить их уверенность в себе и создать условия для практической групповой рефлексии о многосложности самопонимания и самопознания субъектов.

Использование (в эксперименте *СЕТОJ*) метода прямого включения в художественную практику помогло выражению сложной субъективности тех, кто был наделен статусом маргинальной молодежи и кто постепенно принял роль *визуализированного* «уличного художника». Сближение с пространством «уличного искусства» позволило молодым людям осмыслить и проанализировать роль *чужого* в знакомом пространстве. *Активное видение*, оценка окружающей обстановки, извлечение из этого окружения образов, которые фиксировались на материальных носителях, рефлексия и обмен полученных результатов – позволили юношам и девушкам переместиться в новое, необычное для них пространство, прежде знакомое только как конфликтное. В *новом* обществе жестокость и социальная исключенность перестали быть нормой, потеряли детерминирующий характер в жизни молодых людей, с которыми проводилась работа. Напротив, эти факторы стали подвергаться сомнению.

В условиях маргинальности погружение в искусство помогло юношам и девушкам критически оценить себя со стороны, отказаться от стереотипного представления о том, что конфликт – это манифестация фактического *аномального* поведения, возникающего вследствие социального отклонения. Открылась возможность задуматься над причинами, порождающими конфликт, антагонизм и разногласие. Такая практика помогла идентифицировать формы построения и осуществления лидерства, методы разрешения внутренних конфликтов и способность адаптироваться к среде, характеризующейся враждебностью и маргинальностью.

Пребывания в проекте и производство художественного материала, который выставлялся и разъяснялся широкой публике, повлияли на внутреннее состояние маргинальных молодых художников, что можно охарактеризовать как своего рода одновременное нахождение *внутри и вне* знакомой им действительности. Участники проекта могли оценить конфликт как с точки зрения протагониста, провокатора или жертвы, так и – выступая в роли критика или аналитика.

Способность находиться *внутри и за пределами* конфликта насыщала новым опытом. Роль *художника-протагониста*, роль *свободного художника*, помогла развить критический взгляд на личностное существование и на взаимоотношение субъектов. Воспитание критического видения включает осознание дистанции, что крайне важно, так как молодые участники группировки, ввиду своего маргинального положения, *привязаны к определенному положению вещей*. Так, эквадорское общество не ставит под вопрос существующую синонимическую взаимосвязь между молодежными группировками и бедностью, насилием, преступностью, всесторонне поддерживаемую средствами массовой информации (СМИ) и общественным мнением, что влияет на восприятие молодежи как конфликтной даже внутри молодежной среды. Отсутствие способности критической оценки ситуации лишает восприятия дистанции между *я и другой*, которая необходима для рефлексивного поведения по отношению к самому себе и близости к *другому*; рефлексивной близости по отношению к самому себе и рефлексивной дистанции с другим. «Близость не должна препятствовать осознанию индивидуальности “другого”, и того, что с позиции этой индивидуальности “другой” может принимать близкие ему решения. Таким образом, уважение к различию (рефлексивная дистанция) не отрицает права на равенство (рефлексивная близость). Люди могут отличаться своими убеждениями идеологией, вкусами, религиозной принадлежностью, но все эти отличия не отрицают единства их идеологической, религиозной, национальной принадлежности. Соблюдение рефлексивной дистанции и рефлексивной близости (и с другими, и с самим собой) положительно влияет на развитие пространств мирного взаимодействия, основанных на ценностях достоинства, уважения и ответственности» [1]. Предрасположенность к критическому мышлению позволяет отстраниться от *неоспоримого положения вещей*, развивать субъективность и автономию, достичь признания и, самое главное, понимания самого себя и общества.

Воспитание критического мышления требует отрыва от повседневности. Этому способствует внедрение метода *внешнего взгляда*, инструментами которого являются видео- или фотокамера, записи или фиксированный кадр. Анализ собранного материала ведет к столкновению субъективности с окружающей действительностью. В этом случае видео-, фотокамера, граффити, «уличное искусство» становятся медиаторами между субъектом и действительностью, изменяя не только восприятие внешнего окружения, но и осознание того, что эта реальность и, в частности своя собственная реальность, существуют.

Отметим еще один немаловажный вклад метода внешнего взгляда – конфигурацию *другой гражданственности*. Искусство, отталкиваясь от эмпирической перспективы *само-рефлексивной маргинальности, отстраненной маргинальности*, ставит под сомнение понятие *гражданственности*, рассматриваемой с одной единственно возможной позиции, утвержденной государственными институтами. Традиционное восприятие данного термина основано на недвижимых, твердых рамках осознания того, какими *должны быть* этого общества, находящиеся под давлением прерогативы закона, контролирующего географическое расположение и поведение индивидуумов в городе, организующего сосуществование в общественном пространстве с точки зрения центральных государственных интересов, зачастую не согласованных с интересами провинций. Традиционное представление гражданства выстроено по вертикали, где роль *гражданина* принадлежит исключительно взрослому населению, располагающему устойчивыми критериями того, какими должны быть действия, ведущие к становлению гражданина. На настоящий момент, несмотря на осознание формальной принадлежности к гражданству с момента рождения ребенка, можно говорить о *адультицентризме* понятия гражданства, или асимметричных социальных отношениях между взрослыми, держателями власти с

их эталонной моделью видения мира, и других членов общества, как правило, детей, подростков, молодежи и пожилых людей. Гражданственность государственных учреждений не перестает быть преимущественно *адультоцентричной*, несмотря на то, что в официальной среде гражданство не различается по возрастам (ребенок с момента рождения является гражданином).

Юношеская гражданственность, реализуясь посредством акта уличного, маргинального искусства, наблюдаемого на практике эксперимента *СЕТОJ*, подчеркнула, что не только взрослые являются гражданами и что *гражданство* не сводится к формальному признанию прав человека. Гражданство, выраженное в произведениях «уличного искусства», – это способ интеграции жителей города, возможность стать самим городом и находиться в нем благодаря телесной экспрессивности. Это обосновывает мотивацию признания диверсификации форм художественного выражения и форм интегрирования молодыми людьми пространств повседневной жизни как гражданственных практик, до этого момента редко имевших статус законно разрешенных.

Визуальное художественное творчество породило некоторые формы *gregarismo* (зависимости от группы, необходимости быть в группе). Понятие и перцепция *банды* не согласовывались с преобразованием группы в творческий коллектив (на начальном этапе преобразование было краткосрочным, только в момент создания граффити). Молодые люди, принадлежащие к различным социальным слоям, развили технику самовыражения посредством граффити, используемого как альтернативная форма социально признанной рекламы и СМИ. Эти новые группы предложили инновационные формы восприятия реальности, порожденной символической маргинальностью и духом сопротивления быть отверженным. Отметим, что эти группы не имеют ничего общего с *tagueros* (тагерос – уличные столяры) или с *pichação* (пишасау – форма граффити в Бразилии). Они не являются ни символом территориальной принадлежности, ни политической пропагандой, ни противостоянием СМИ, а представляют возможность выхода в мир само-презентации и само-понимания. «Уличное маргинальное искусство» – граффити, фотография, видеозапись как пример живой коммуникации – это заявление на право существования, на право распоряжения собственным пространством, на право обладания собственным общественным образом и возможностью его свободно использовать. Напомним слова *Debray* [2] о том, что изображение (медиа) стало центром внимания многих социологических и эстетических дискурсов, а также способом мышления, восприятия и интерпретации реальности. В нашей культуре стало уже привычным считать, что если ты не существуешь в изображении (особенно виртуальном), ты не существуешь. Описываемый проект позволил использовать уличное пространство и стены как полотно, заявляющее о личностном присутствии молодежных групп и бросающее вызов понятию «общественное пространство», которое постепенно стало отдаляться от жестких норм и определяемых законом форм его использования, а также от разделения в нем ролей и взаимодействия отдельных групп населения. Включение искусства в сферу маргинальности требует модификации «общественного пространства» и его восприятия не как порядка, а как хаотичного, и в то же время тесно контактного сосуществования, которое может придать новый смысл динамике города.

4. Вклад проекта «СЕТОJ»

Ссылаясь на опыт проекта *СЕТОJ*, можно сделать два важных вывода. Во-первых, «уличное искусство» может стать основой для развития бесконфликтного сосуществования и укрепления общественных связей. Молодые люди, принадлежащие к группе *Латинские Короли*, смогли определить свое место в пограничном конфликтном пространстве и изолировать конфликт, для последующего его осмысления и оценки используя метод настенного изображения. Немаловажна была реакция дирекции района Сан-Хуан, расположенная в историческом центре столицы, Кито. Членам молодежной группы была назначена встреча с целью поиска альтернативных, инновационных форм выражения молодого населения, в то время как в других районах выбор пал на инкрементацию полицейского надзора. Предложением дирекции района Сан Хуан было всеобщее обсуждение темы насилия, насильственных практик, безопасности и ее анонса методом настенного изображения, ответственность за успех которого была предоставлена молодым маргинальным художникам.

Данный опыт чрезвычайно важен: во-первых, он отражает трансформацию во внешнем (социальном) и во внутригрупповом (в маргинальных группах) восприятии маргинальной молодежи, заставляя задуматься о причинах возникновения, необходимости и формах искоренения насилия. Население изучаемого района изменило свое отношение к маргинальной группе, которая перестала ассоциироваться с насилием, с потенциальным и действительным риском. Члены группировки стали при-

знаваться полноценными гражданами, имеющими право голоса в районе. Юноши и девушки смогли передать языком искусства свою историю о том, как они сумели выстоять при фундаментальном переломе, как смогли выйти за пределы насилия, проанализировать и осмыслить его, а также рассказать о насилии средствами художественных образов. В результате руководство района признало молодых людей как субъектов, переживших негативный опыт. Голос маргинальности был услышан теми, кто пытается изучить и понять данный феномен, не стараясь скрыть его.

Во-вторых, наш опыт показал, что личные отношения между общественными субъектами отличаются от нормативных, установленных органами власти. Взаимоотношения в общественном пространстве, предусматриваемые Государством или местной администрацией, пронизаны глубоким чувством собственности и приоритетом материальных ценностей. Существует некая ирония в том, что «общественное», или то, что должно принадлежать гражданам, в реальности является собственностью Государства. Государство распоряжается ресурсами, распределяет, узаконивает, определяет условия и нормы пользования ими. В конечном счете «общественное пространство» населению не принадлежит, поскольку за понятием «всеобщая собственность» скрывается понятие «собственность государственных учреждений». Что касается общественных мероприятий, Государство-собственник выделяет места для них и закрепляет зоны, отмеченные как запретные для выражения определенных форм социальной активности, что особенно заметно в нарастающих конфликтных ситуациях между частными уличными продавцами и государственными учреждениями, ответственными за порядок в районах.

Сложно пока претендовать на доступ к общественному пространству, открытому для культуры настенного изображения – граффити, которая ассоциируется с дестабилизацией общественного порядка и разрывом между *общественным и общим пространством* [3]. Различие между этими терминами – в интерпретации понятия «общий», которое не является собственностью ни частного сектора, ни Государства, а принадлежит обществу, которое имманентным образом и должно определить правила владения им. В *общественном пространстве* порядок, предусматриваемый законом, отвечает авторитарным нормам. В противоположность требованиям урбанизма, а также мнению средств массовой информации (СМИ), пространство *общего* редко предусматривает конфликт, даже в случае неизбежных столкновений социальных групп. Напротив, наши наблюдения показывают, что *общее* пространство делится множественными группами района по принципу «никто никому не мешает». В При проведении нашего исследования, «уличное искусство» на первом этапе было интерпретировано как дестабилизирующее, так как (1) оно представляло самовыражение не столько представителей простого народа, сколько членов маргинальных групп, – тема неисчислимых предрассудков; и (2) участники «акта вандализма» несли свою персональную форму выражения в «институционально упорядоченное пространство». Посредством граффити маргинальная молодежь смогла заявить о наличии напряженности в интерпретации городского *общего* пространства и о недостатке внимания органов городской власти к интересам горожан. Это вызвало необходимость в создании пространств позитивного взаимодействия, что, в свою очередь, потребовало от всех социальных, политических и экономических институтов соблюдения двух условий, необходимых для успешного взаимодействия: условия для выражения права свободы слова и права быть услышанным и увиденным.

Новый проект заметно отличался от предшествующих проектов, которые, с одной стороны, определяли потребности молодых людей по существующим, заранее установленным параметрам, без предварительной диагностики и изучения потребностей исследуемого населения. С другой стороны, план деятельности предшествующих проектов обычно был запрограммирован в соответствии с финансированием, наличием средств и частных интересов организации, выделяющей фонды, цели которой не всегда совпадали с пожеланиями молодежи. Взаимосвязь между правом на свободу слова и правом быть услышанным – одно из условий эффективного существования демократического общества. Требования молодежной группы порождали «новую, другую демократию, отличную от существующей в стране», и задачей ее было не привлечение лиц в политическую коалицию, а предоставление права на свободное высказывание, возможность предложить новые темы, обсуждать новые формы взаимодействия, как это отметил один из членов группы *King CH*: «Я знал, что сказать, когда мне дали слово».

Какие новые виды коммуникации способны создать условия для укрепления права быть услышанным? Каков характер художественных трансформаций, предложенных маргинальными молодыми художниками? Практика маргинального «уличного искусства» учитывает интересы молодых «уличных художников», их интеграции в обществе и их признания. До этого момента участники проекта отличались узвимостью, нестабильностью и стигматизацией.

Цель проекта заключалась в достижении (1) нестигматизирующего признания молодежи; (2) воспитания общества в принятии другого как равного, полноценного и самодостаточного, а не как враждебного; (3) развития понимания, способности слышать другого, учитывать его мнение и принимать формы его самовыражения; (4) повышения протаконизма и автономии молодых людей. Художественное самовыражение в форме «уличного искусства» способствовало зарождению практики диалога, что позволило развить в собеседнике предрасположенность к рефлексии, организации и трансформации среды.

Внутри групп маргинальных художников было замечено, что полученный опыт и самокритика позволили им занять более независимые и сплоченные позиции, развили способность определять проблему и искать способ ее разрешения, определили возможности выбора, оценки и самоопределения как социального субъекта с правом голоса. Проект послужил мотивацией в принятии решений, которые повлекли за собой признание и оценку собственных действий, позволяющих молодежи утвердить себя как культурно и исторически значимых субъектов, способных положить начало новой форме познания условий и контекстов, в которых развиваются многочисленные молодые жизни, рассматриваемые СМИ и государственными институтами сквозь призму ограничивающей стигматизации или романтического упрощения.

Важно отметить, что «уличное искусство», появившееся вне рамок академического пространства, имеет конфронтационный характер. Оно выступает как оппозиция господствующей интерпретации понятия *молодежи*, и (возвращаясь к проекту *СЕТОЖ*) высказывается против негативного образа, закрепленного за членами организации *Латинские Короли*. Целью молодых художников было «сделать своими» такие пространства, как площади, улицы, концертные залы и СМИ. Используя практику настенного изображения, молодые люди смогли сохранить основную ценность искусства – его близость к публике, открытость к интерпретации. По мнению Гегеля [4], произведение искусства должно быть способным само по себе представлять себя зрителю, что не сочетается с понятием галерейной живописи, формой ее подачи зрителю и продажей работ через художественные галереи. В нашей практике молодой маргинальный художник сумел создать произведение, способное существовать, само по себе, трансцендентно по отношению к автору.

5. Заключение

Подводя итог, можно отметить, что искусство не является прямым средством упразднения насилия, присутствующего в молодежной среде Эквадора. Но, хотя полученный результат не ведет автоматически к позитивной трансформации общества, «уличное искусство» предлагает возможность создания реальных пространств позитивного взаимодействия. Здесь позитивное сосуществование строится на прежде отрицаемой концепции *принятия* другого, неизвестного, маргинального. Новая концепция аннулирует понятие общественного и частного пространства и вводит понятие *общего*, не принадлежащего ни частному предприятию, ни Государству. Это пространство становится общим, так как само общество определяет формы его использования, не подчиняя его вертикальным детерминациям, нозакрепляя договоренную форму муниципальным законодательством. Данная практика открывает путь также для интеркультурных манифестаций, повышает возможности социальной трансформации и реконструкции социальных связей; проявляет себя как зеркало для маргинальной молодежи, создавая пространство новой субъектности и политической активности, что избавляет молодежь от статуса апатичных субъектов, обреченных на существование в ситуациях насилия, отчасти порождаемых недостаточной эффективностью государственных программ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпова А. Интеркультурный мир. Концептуальная аппроксимация // Вестн. Удм. ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2015. Вып. 3. С. 17-26.
2. Debray R. Vida y muerte de la imagen. España: Ediciones Paidós Ibérica S.A. 1994.
3. Cerbino M, Giunta I. Biocapitalismo, procesos de gobierno y movimientos sociales /Antonio Negri, Michael Hardt y Sandro Mezzadra), Quito, Ecuador: FLACSO Sede Ecuador, 2013.
4. Hegel G.W. F. Lecciones sobre la estética. España: Mestas Ediciones, 2003.
5. Rancière J. El espectador emancipado. Buenos Aires: Ediciones Manantial, 2010.
6. Bourdieu P. Sociología y cultura. México D.F: Editorial Grijalbo S.A., 1990.
7. Cerbino M. El lugar de la violencia, perspectivas críticas sobre pandillerismo juvenil. Quito, Taurus/ Flasco, 2012.

M. Cerbino, M. Panchi, A. Karpova

YOUTH AND VIOLENCE: "STREET ART" AS A METHOD OF CONFLICT RESOLUTION

In recent years Ecuador social studies mostly focus attention on the study of the problem of youth groups, which become self-experimentation space for public policy. Despite the increasing number of studies, youth - romantic and general name - remains an elusive phenomenon that escapes denomination, categorization and structuring. Youth groups are still characterized as closed groups that meet entrenched social prejudices and excite social conflicts. This article presents the results of an investigation, held in Quito, reflecting the influence of artistic expression in reducing conflicts in youth gangs. The methodology used is participant observation. The study describes, from an emic perspective, the way that young people themselves attach to their living environments and experiences of social reintegration, which takes place due to the use of artistic resources as a platform of subjective introspection, self-prevention of a social conflict between the population and the members of youth gangs. The results highlight the positive role of street art in the prevention and resolution of social conflicts through the formation of positive interaction spaces.

Keywords: youth, art, violence, conflict, public space, positive interaction.

Мауро Сербино,
Доктор в Антропологии
E-mail: mcerbino@flacso.edu.ec

Марко Панчи, магистр в сфере Коммуникации
E-mail: marco.gpj@gmail.com

Алена Карпава,
Доктор в Мире, Конфликтах и Демократии,
Доцент и научный работник Национального
Университета Педагогике Эквадора (UNAE),
член исследовательской группы «Эмерджентные
ценности, социальная педагогика и политика
образования»

Член Института Мира и Конфликтов
Университет Гранады, Испания.
Кафедра Коммуникации, UNAE

Av. Independencia, Parroquia Javier Loyola, Azogues,
el Cañar, Ecuador
E-mail: elenatraduce@hotmail.com
E-mail: alena.karpava@unae.edu.ec

Mauro Cerbino,
Doctor of Anthropology
E-mail: mcerbino@flacso.edu.ec

Marco Panchi, master degree student
E-mail: marco.gpj@gmail.com

Dr. Alena Kárpava,
Doctor of Peace, Conflicts and Democracy,
Associate professor and researcher of the National
Pedagogic University of Ecuador (UNAE).
Member of the Research group "Emergent values,
Social Pedagogics and educational policy", HUM 580.
Member of the Institute of the Peace and Conflicts
University of Granada, Spain.

Address: Department of human communication, UNAE,
Av. Independencia, Parroquia Javier Loyola,
Azogues, el Cañar, Ecuador
E-mail: elenatraduce@hotmail.com
E-mail: alena.karpava@unae.edu.ec